

*Забыв беспечно об угрозах двоек,
срывались мы с уроков через дворик,
бежали полем к берегу Оки...*

В) Эколого-ландшафтные топонимы (Байкал, названия полей и холмов) несут мощную экологическую и нравственную нагрузку, часто используя в стихах на тему сохранения природы и культурного наследия.

Анализ показывает, что поэт использует как полные, так и краткие, разговорные формы топонимов, что создает стилистическую полифонию: от официально-публицистического пафоса до доверительно-бытовой интонации [7].

3. Структурно-семантический анализ онима.

Семантическая структура имени у Е. Евтушенко многослойна. Ядром значения остается указание на объект (человек, место). Однако периферийные семантические компоненты – культурные, исторические, эмоциональные коннотации – зачастую становятся главными. Например, топоним «Берлин» включает в себя не только географическое значение, но и семы «война», «победа», «память», «диалог культур». Поэт актуализирует эти периферийные смыслы через контекст, эпитеты и ритмическую организацию стиха, превращая имя собственное в развернутую поэтическую метафору [2, 7].

Заключение. Проведенное исследование подтверждает, что ономастическое пространство является важнейшим элементом поэтики Е. Евтушенко. Антропонимы и топонимы в его творчестве выполняют не только идентифицирующую, но и экспрессивную, символическую, характерологическую и сюжетообразующую функции. Они служат связующим звеном между личным переживанием лирического героя и большой историей страны, формируя уникальный «ассоциативный ореол» и многомерный хронотоп. Предложенная методика анализа может быть применена для изучения ономастикона других авторов, что открывает перспективы для дальнейших сравнительно-типологических исследований в области литературной ономастики.

1 Бондалетов, В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

2 Патроева, Н. В. Ассоциативно-образный потенциал прецедентного собственного имени в поэзии (на материале контекстов с антропонимом Ломоносов) / Н. В. Патроева, А. А. Лебедев // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – №2 (37).

3 Кушнарёва, Т. В. К вопросу о переводе имен собственных в ономастике / Т. В. Кушнарёва, В. И. Прибыткова, О. Ю. Полонская // Современное педагогическое образование. – 2021. – №5.

4 Муратова, Е. Ю. Художественная роль ономастической лексики в современной поэзии / Е. Ю. Муратова. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/23889> (дата обращения: 02.03.2026). – Текст: электронный.

5 Шмони́на, М. А. Антропонимы как способ создания дуалистической оппозиции в художественном тексте: на материале романа В. Гюго «Отверженные» и его русского перевода / М. А. Шмони́на // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2020. – №6-2.

6 Гиздулин, Э. Видовые особенности лирики Е. Евтушенко / Э. Гиздулин, О. Акбаров // Общество и инновации. – 2021. – №10/S. – С. 47–51.

7 Кондрашова (Козьмина), В. Н. Использование топонимов в оценочно-характеризующей функции в англоязычном и русскоязычном художественном дискурсе / В. Н. Кондрашова (Козьмина), Е. Н. Шустрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №12.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДУХОВНЫХ ИСТОКОВ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ

Зараковская М.А.,

магистрант 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Гладкова А.А., канд. филол. наук, доцент

Типаж «лишнего человека» как предмет специального рассмотрения появился в поле зрения русской словесности в XIX веке. Само же явление стало следствием исторического общественного разлома, вызванного политическими потрясениями в жизни российского общества, главным образом, восстанием декабристов 1825 года. Принципиально важно то, что этот литературный тип носит выраженный универсальный характер,

основными чертами повторяясь в совершенно разных национальных литературах, в нашем случае, в русской и китайской. Поиск и анализ причин этого феномена обусловил актуальность нашего исследования.

Цель исследования – провести сравнительный анализ русских и китайских религиозно-философских оснований, на базе которых возник и продолжает развиваться универсальный литературный тип «лишнего человека».

Материал и методы. Материалом для исследования послужили научные работы и литературные тексты. Метод исследования: теоретический (анализ и синтез данных, полученных при изучении научных источников и литературных текстов).

Результаты и их обсуждение. Главными чертами «лишнего человека» являются «отчуждение от своей страны, от родной среды (обычно дворянской), чувство интеллектуального и нравственного превосходства над ней и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад слова и дела» [2, с. 8]. Концептуальной основой такого типажа в китайской литературе являются две базовые философские системы: конфуцианство, для которого назначение человека – быть средством установления совершенного порядка в Поднебесной, и даосизм, где человек должен следовать естественному порядку вещей, не обременяя себя следованием социальным нормам и правилам. В реальной китайской культуре и литературе эти две системы не исключали, а дополняли друг друга в жизни одного человека (чиновник-конфуцианец на службе – поэт-даос на досуге).

Русская религиозно-философская мысль предлагала идеал всеединства и соборности. Тогда, с одной стороны, «лишний» – это грешник, отщепенец, духовно больной. С другой стороны, учитывая апологию свободы, творчества, «лишний» – потенциальный герой, жертва мира лжи, страдающая личность (литературная проекция, например, Родион Раскольников, Иван Карамазов). На русской почве феномен «лишнего человека» углубляется до уровня онтологической проблемы. Она объясняет его тоску не бытовыми, а экзистенциальными причинами: потерей связи с Богом и миром как целым (всеединство) и трагической непроявленностью своей творческой свободы.

Проводя сравнительный анализ конструирования образа «лишнего человека» в русской и китайской культурах, можно утверждать, что конфуцианство, даосизм и русская религиозная философия не просто описывают, но определяют феномен «лишнего человека», задавая параметры, в которых он обретает смысл. Сравнение выявляет как параллели, так и существенные различия, укорененные в культурно-религиозном своеобразии традиций.

Конфуцианство и русская религиозная философия задают два принципиально разных идеала «правильной» жизни, делающих героя «лишним».

Конфуцианство утверждает общественный порядок. Его основа – четко регламентированная система отношений и ритуалов. Гармония достигается, когда каждый исправно исполняет предписанную роль в семейной и государственной иерархии. Причина отчужденности здесь – асоциальность: отказ от службы, неисполнение долга, неприятие ритуала.

Русская религиозная философия предлагает идеал метафизической и духовной целостности (всеединство, соборность). Гармония – это не внешний порядок, а внутреннее состояние связи человека с Богом, миром и другими людьми. Идеал – личность в соборности, свободная и творческая. Причина отчужденности – духовная оторванность, одиночество, отсутствие связей, делающих бытие осмысленным [2].

Ключевое различие: конфуцианский «лишний» – социальный неудачник, русский – духовный сирота.

Даосизм и русская философия дают герою духовное оправдание, превращая его слабость в форму особого, высшего знания или выбора.

Даосизм видит выход в уходе к естественности. Критикуя искусственные конфуцианские нормы, он предлагает следовать Дао – естественному пути космоса. Такой человек бесполезен для социума, но подлинен для природы и космоса. Его «лишность» – сознательный уход от суеты ради внутренней гармонии.

Русская мысль оправдывает героя через трагедию свободы и творчества. «Лишний человек» – это личность, не принявшая лжи внешнего мира. Его страдание и бездействие – плата за свободу, знак непринадлежности к царству необходимости.

Даосский уход – это примирение (с космосом, природой), пассивно-созерцательное. Русский бунт – трагическое противостояние (личности и объективации), потенциально активное и творческое.

Несмотря на различия, можно выявить универсальную структуру, которая и делает возможным сам литературный тип «лишнего человека» в обеих культурах:

1. Наличие мощной нормативной системы (конфуцианство и русское всеединство), задающей жесткие критерии «правильной» жизни.

2. Наличие внутри традиции мощной критической или альтернативной философии, которая превращает порок в позицию.

3. Драма «лишнего человека» – это мучительное существование между долгом служить порядку и жадной обрести подлинность в свободе или уходе.

Культурная специфика заключается в акцентах:

1. В китайском контексте конфликт чаще имеет этико-социальную окраску (семья, государство, долг).

2. В русском контексте конфликт сразу поднимается до метафизико-экзистенциального уровня (Бог, смысл бытия, судьба России).

Заключение. Таким образом, духовные истоки «лишнего человека» коренятся не в индивидуальной психологии, а в глубинных болевых точках самих культурных традиций. Китайская мысль дает модель конфликта между социальной ролью и естественностью бытия. Русская мысль углубляет эту модель до конфликта между метафизической тоской по целостности и трагическим бременем личной свободы. Их диалог показывает, что «лишний человек» не случайная фигура, а неизбежный и глубоко значимый продукт рефлексивной культуры, вступающей в конфликт со своими же собственными основаниями.

1 Никольский, Е. В. Ещё раз о проблеме «лишнего человека» в русской классической литературе / Е. В. Никольский // Art Logos. – 2017. – № 2. – С. 7–22.

2 Громов, М. Н. Русская философия. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / М. Н. Громов; пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – 2816 с.

КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ И ЛЕКСЕМЫ КОНЦЕПТА «РОДНОЙ КРАЙ» В БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

Захарова А.Д.,

студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Турковская Е.В., канд. пед. наук, доцент

Современная лингвистика, в частности когнитивная лингвистика и лингвокультурология, всё чаще обращается к изучению того, как культурные знания репрезентируются в языке [1]. Один из ключевых элементов этой репрезентации – концепт, который рассматривается как единица ментальной структуры, отражающая культурные знания и ценности [2]. Особый интерес представляет концепт, реализующийся в поэтическом тексте, так как поэтический текст не только передаёт личные переживания автора, но и становится носителем значимых для народа идей, образов и ценностей.

Одним из таких значимых культурных образов является концепт «родной край». Тема родного края занимает центральное место в белорусской поэзии. Она тесно связана с образами природы, судьбой народа, исторической памятью и национальным самосознанием.

Актуальность исследования обусловлена важностью понимания культурных ценностей. Анализ концепта «родной край» в белорусской поэзии способствует более глубокому пониманию культуры, а также раскрывает особенности поэтического мышления.